

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.65>

ФУНКЦИИ СУБЪЕКТНОЙ ФОРМЫ «Я-ДРУГОЙ» В СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАРТИНЫ МИРА АВТОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. РЫЖЕГО

Научная статья

Герелегиз Х.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-2378-6187;

¹ Университет Дюздже, Дюздже, Турция

* Корреспондирующий автор (husnugerelegiz[at]gmail.com)

Аннотация

Проблема определения функций субъектной формы «я-другой» в субъектной организации картины мира автора в поэтическом творчестве Бориса Рыжего является в высшей степени релевантной, значимой для современности. В статье рассматривается теория субъектной сферы современной лирики, предлагается классификация субъектной сферы на «я», «другой», «я-другой». С этой позиции рассмотрены самые знаковые, определяющие вектор поэта, стихотворения. В качестве материала исследования представлены стихотворения «Пейзаж с детством», «Нет, главное, пожалуй, не воспеть...», «Детское стихотворение», «Философская лирика», «Ода». В ходе исследования выяснено, что лирический субъект подавлен и расколот. Исследование показывает, что с каждым годом картина мира автора становится всё мрачнее.

Ключевые слова: лирический герой, субъектная форма, субъектная сфера лирики, «я», «другой», «я-другой».

FUNCTIONS OF THE SUBJECTIVE FORM "I-ANOTHER" IN THE SUBJECTIVE ORGANIZATION OF THE AUTHOR'S WORLDVIEW IN THE POETIC WORK OF B. RYZHY

Research article

Gerelegiz H.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-2378-6187;

¹ Düzce University, düzce, Turkey

* Corresponding author (husnugerelegiz[at]gmail.com)

Abstract

The problem of determining the functions of the subjective form "I-another" in the subjective organization of the author's worldview in the poetic work of Boris Ryzhy is highly relevant, significant for modernity. The article examines the theory of the subjective sphere of modern lyrics, proposes the classification of the subjective sphere into "I", "another", "I-another". From this position the most iconic poems, which determine the poet's vector, are studied. The poems "Childhood Landscape", "No, the main thing, perhaps, is not to sing...", "Children's Poem", "Philosophical Lyric", "Ode" are presented as the subject of the research. The study finds that the lyrical subject is suppressed and split. The research shows that every year, the author's worldview becomes more and more dark.

Keywords: lyrical hero, subject form, subjective sphere of lyrics, "I", "another", "I-another".

Введение

Борис Рыжий (1974-2001) принадлежит к числу русских поэтов, ставших открытием в литературе конца двадцатого века. Дмитрий Сухарев писал, что Рыжий ярко выделялся во всём поэтическом поколении, его стихотворения легко переключаются на музыку [5, С. 8]. Сам поэт именовал себя «отцом новой традиции».

В поэзии Бориса Рыжего слово динамизируется, усложняется, становится затрудненным. Слова в строках перекликаются друг с другом, т.е. строка приобретает особую, тугую спаянность. Подобную «спаянность» поэтической речи описал Юрий Николаевич Тынянов как «тесноту стихового ряда» [7, С. 59].

Дмитрий Сухарев писал: «Стихи Рыжего прочувствованы, пережиты автором безусловно, именно поэтому их нельзя читать, скучая и позевывая. Они берут за душу, царапают читателя. Горячая кровь из глубины самого сердца, хлещущая из раны. Эта незалечимая рана – судьба страны, в большинстве стихотворений Бориса Рыжего преломленная в судьбу самого поэта» [6, С. 14].

Рассмотрение характера лирического субъекта представляется особенно важным в связи с индивидуальным творческим методом писателя. У екатеринбургского поэта было на редкость замечательное знание предшественников. Оставались значимыми для него и поэты XIX века (А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев), поэты военного времени (в первую очередь Б. Слуцкий), и современные поэты (И.А. Бродский, Б.Л. Пастернак).

Субъектная форма, заложенная в стихотворениях, способна стать ключом к раскрытию картины мира поэта, дать представления о его мироощущении.

Актуальность исследования состоит в обращении к субъектной организации стихотворений Бориса Рыжего как одной из самых значимых категорий в раскрытии сущности характера лирического субъекта и его связи с личностью автора.

Основные результаты

Автономный, самоценный субъект возникает в непростую, третью эпоху истории стихологии – в период неканонической поэтики, иными словами, художественной модальности, инверсия которой совершается со второй половины XVIII по середину XIX века. В данный промежуток времени лирика приобретает новую форму отношений между субъектами: наряду с отношениями тождества и неслиянности, нераздельностью между автором и героем возникают отношения дополнительности.

Наиболее ранжированно субъектная сфера современной лирики представлена Б.О. Корманом, выделившим «собственно автора, автора-повествователя, героя ролевой лирики, лирического героя» [2, С. 13].

В понимании Б.О. Кормана, лирическое «я» имеет грамматически выраженное лицо, в отличие от повествователя, однако при этом не «является конструктом для себя. <...> На первом плане не он сам, а какое-то обстоятельство, событие, ситуация, явление» [2, С. 13].

На уровне внутритекстовом И.В. Остапенко рекомендует акцентуацию лирических субъектов: «другой», «я-другой», «я» выраженных:

- 1) местоимением 1 лица ед. числа;
- 2) местоимением 1 лица мн. числа;
- 3) местоимением 2 и 3 лица ед. и мн. числа;
- 4) внеличными формами;
- 5) неличными местоимениями;
- 6) названиями явлений действительности [3, С. 109].

Рассмотрим эпизоды, когда лирический субъект оценивает себя со стороны, иными словами, появляется субъектная форма «я-другой».

В сочинениях 1992-1993 гг. субъектная форма «я-другой» актуализируется 6 раз.

В стихотворении «Пейзаж с детством» лирический субъект устремляется в детство. Здесь фигурирует пацан, стоящий за душой автора, водка в подъезде, бичи. Лирический субъект вспоминает себя как не самого образцового, воспитанного ребёнка. В то же время добавляются детали, представляющие его детство радостным, спокойным: скрип деревянных половиц, огонь в камине, дачные тихие дни. Третья часть стихотворения, разделённого на 5 частей, принципиально иная именно наличием «я-другого» как центра, главенствующей формы субъектной организации.

Аналогичного субъекта можно наблюдать в стихотворении 1994 года «Глупая проза»: поэт представляет себя как человека, которому в советской школе нет места. Действительно, лирический герой чётко осознаёт свою исключительность, пишет об этом с иронией.

Данная тема продолжается и в стихотворениях 1995 года. Рассмотрим текст «На смерть поэта»: «бедный мальчик, в углу своем / сам себе наизусть читал». Здесь чётко прослеживается амбивалентность видения субъектом своего детского периода. С одной стороны – это ранний возраст поэта «книжного шкафа», с другой – дворовые детские годы.

В стихотворении «Где-то там далеко, где слоняются запахи леса...» лирический субъект представлен номинацией природных реалий: непрожитой жизнью городских фонарей, отблеском синей луны, тенями.

В произведении «Фонари» лирический субъект сравнивает себя с другим, пытаясь передать внутреннюю рефлексию: «разве что умереть, как последний солдат, / испугавшийся крови чужой». Аналогичного лирического субъекта наблюдаем в седьмой части стихотворения «Суждения»: поэтом изображается солдат, ни разу не побывавший в бою, но понимающий, что оборванная жизнь освободит его, станет своеобразной демобилизацией. Лирический герой показан солдатом без битвы. Такая метафора выявляет несоответствие внешнего внутреннему. Субъект видит себя готовым к бою, однако на самом деле понимает, что недостаточно силён для решительного удара.

Субъектная форма «я-другой» также может быть выражена личным местоимением 2 л., ед.ч. именительного падежа. В качестве примера рассмотрим стихотворение «Было в Петербурге»: «Ты придешь на берег утром – вздрогнешь / и проснешься сразу». Это двуединство, обращение к себе как к «другому» – отличительное свойство личности, способность к рефлексии.

В стихотворении 1995 года «Детское стихотворение» кроется глубокий смысл, который раскрывает проблему характера лирического субъекта. Он ощущает себя ничтожным и малым. Корень несостоятельности субъекта кроется в том, что он не чувствует себя целостным, полноценным человеком. Нет, он – странная пародия на человека, ведь его мир расколот.

Показательным в плане спора с самим собой является стихотворение 1996 года «Нет, главное, пожалуй, не воспеть...». Субъектной формой «я-другой» лирический субъект показывает раздвоение «я»: «Я, сам с собой вступивший в поединок, / сам пред собою был слаб и мал». Не просто раздвоение, но тщетность, невозможность разобраться в себе, выбрать одну из сторон. Помимо прочего, раскрывается главная цель художника слова: не обидеть, не нанести рану словом. Для поэта самое важное, считает лирический субъект, охватить взглядом всё и написать об этом правдиво.

Проблема оценки собственной личности начинает развиваться с 1997 года. Ключевое значение в данном контексте имеет именно субъектная форма «я-другой», позволяющая лирическому субъекту взглянуть на себя со стороны. В качестве примера рассмотрим стихотворение «Философская лирика». Лирический субъект видит себя не с лучшей стороны, изрядно пьющим водку, обросшим и одиноким. Обращает внимание то, что как бы лирический субъект не ругал себя (а это проявляется во многих текстах: «подонок», «дурак» и проч.), больше нет отрицания того, что он поэт. Время отчаянных метаний и поиска призрачной правды прошло. Лирический субъект чувствует себя старым, измотанным, он многое повидал и пережил.

Что касается проблемы оценки собственного творчества, показательным стихотворением следует считать текст 1997 года «Ода»: «А, пустяк, – сказали только, / выключая ближний свет, –/ это пьяный Рыжий Борька, / первый в городе поэт». Сомнений в том, что перед нами субъектная форма «я-как-другой», не остаётся, т.к. мнение передано посредством прямой речи. «Другие» – милиционеры, патрулирующие ночной город, находят лирического субъекта

спящим на скамейке. Но это не вызывает у них тревоги, ведь он – «первый в городе поэт». Двойственность образа человека, который, по-видимому, часто является в нетрезвом виде, но при этом является одним из лучших людей города.

С конца 1997 года можно проследить ухудшение эмоциональной подавленности лирического субъекта. А с 1999 года, упадочническое настроение упрочняется и практически не исчезает. Стихотворение «Первый снег, очень белый и липкий...» – яркий тому пример.

Лирический субъект признаётся, что некое чувство мешает ему дышать полной грудью. Он понимает, что это чувство смерти. Интересное выражение находит субъектная форма «я-другой». В финальных строках у лирического субъекта будто случается срыв, он становится агрессивным, не смея больше сдерживать гнева, обрушившегося на самого себя. Обращаясь к себе, лирический субъект старается выбраться из депрессии, в которую вогнал себя сам. Нецензурная речь и сниженная лексика – лишь бравада. На самом деле лирический субъект не хочет умирать.

В стихотворении 2000 года «Дай нищему на опохмелку денег...» преобладает субъектная форма выражения «я-как-другой». Лирический субъект обращается к себе, используя императивы: «дай», «останови» и т.д. Безусловно, наблюдается уже знакомый нам диалог. Один «я» журит другого, используется сниженная лексика: «дурак», «сопляк» и т.д. Одна часть лирического субъекта желает вразумить другую. Так имплицитно лирический субъект показывает желание обрести целостность, свободу и покой.

Итак, на основании вышесказанного, мы можем сделать выводы. В раннем творчестве Б. Рыжего лирический субъект был направлен на своё детство. Освящалось оно в двух направлениях: дворовое и т.н. «интеллигентское». Однако уже в 1994 году наблюдались попытки такого вида рефлексии, при которой лирический субъект обращался к себе на «ты», пытаясь разобраться в устройстве мира.

Далее происходит переосмысление приоритетов лирическим субъектом. Он не желает разбираться в устройстве мира, он расстроен и подавлен. Лирическому субъекту собственная личность видится как неудачная пародия на человека. Он осознаёт свою раздвоенность и пытается преодолеть её.

И, наконец, в завершающих вехах творчества автора лирический субъект предстаёт полностью опустошённым и раздавленным. Он охвачен желанием жить, и форма «я-другой» зачастую обращение к себе с призывом «жить».

Заключение

Специфика характера лирического героя поэзии Б. Рыжего обусловлена переломной исторической ситуацией: в 1980-е годы происходила смена культурных парадигм, что нашло отражение в амбивалентности восприятия исторического прошлого России (советского периода).

Лирического субъекта занимает проблема взаимоотношений с «другим» и экзистенциальные вопросы. Это может проявляться в воспоминаниях, характеристиках «других» и событиях.

Личностные переживания лирический герой ставит на первый план. Жизнь кажется ему тяжёлой и горькой, поэтому он пытается перенестись в параллельные миры посредством сна.

В текстах стихотворений актуализируется мрачный взгляд на жизнь, предсказывание смерти и признание бесполезности бытия. Лирический субъект не старается поменять свой мир, он хочет уйти в вымышленные миры («Город Уфалей»), или остаться в детстве, соединить прошлое с будущим. Такая раздвоенность не позволяет ему быть счастливым.

В завершающих вехах творчества автора лирический субъект посредством формы «я-другой» передаёт крайнюю опустошённость и подавленность.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Арсенова Т.А. Борис Рыжий как поэт-хулиган в читательском восприятии / Т.А. Арсенова // Филологические проекции Большого Урала. — 2010. — № 3. — С. 79-88.
2. Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова / Б.О. Корман. — Воронеж, 1964. — 390 с.
3. Остапенко И.В. Природа в русской лирике 1960-1980-х годов: от пейзажа к картине мира / И.В. Остапенко. — Симферополь: Ариал, 2012. — 432 с.
4. Рыжий Б.Б. Стихи / Б.Б. Рыжий. — М.: Издательство Пушкинского Фонда, 2014. — 368 с.
5. Сухарев Д.А. Поэзия Бориса Рыжего (рецензия на сборник «Стихи. 1993-2001») / Д.А. Сухарев // Знамя. — 2004. — № 12. — С. 14-19.
6. Сухарев Д.А. Влажным взором / Д.А. Сухарев // Иерусалимский журнал. — 2011. — № 39. — С. 12-19.
7. Тьянянов Ю.Н. Избранные произведения / Ю.Н. Тьянянов. — М, 1956. — 808 с.
8. Тамарченко Н.Д. Теория литературы. Историческая поэтика / Н.Д. Тамарченко. — М.: Academia, 2004. — 369 с.
9. Тарабукина Н. На вас меня посмотрят сквозь (предисловие к подборке стихов) / Н. Тарабукина // Уральский следопыт. — 2005. — № 10. — С. 8-9.
10. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. — М.: Книга, 1999. — 672 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arsenova T.A. Boris Ryzhy kak poet-huligan v chitatel'skom vospriyatii [Boris Ryzhy as a poet-hooligan in reader's perception] / T.A. Arsenova // Filologicheskie proekcii Bol'shogo Urala [Philological projections of the Greater Urals]. — 2010. — № 3. — P. 79-88. [in Russian]
2. Korman B.O. Lirika N.A. Nekrasova [Lyrics of N.A. Nekrasov] / B.O. Korman. — Voronezh, 1964. — 390 p. [in Russian]
3. Ostapenko I.V. Priroda v russkoj lirike 1960-1980-h godov: ot pejzazha k kartine mira [Nature in Russian lyrics of the 1960s-1980s: from landscape to a picture of the world] / I.V. Ostapenko. — Simferopol: Arial, 2012. — 432 p. [in Russian]
4. Ryzhy B.B. Stihi [Poems] / B.B. Ryzhy. — M.: Pushkin Foundation Publishing House, 2014. — 368 p. [in Russian]
5. Suharev D.A. Poeziya Borisa Ryzhego (recenziya na sbornik «Stihi. 1993-2001») [Poetry of Boris Ryzhy (review of the collection "Poems. 1993-2001")] / D.A. Suharev // Znamya [Banner]. — 2004. — № 12. — P. 14-19. [in Russian]
6. Suharev D.A. Vlazhnym vzorom [With moist eyes] / D.A. Suharev // Ierusalimskij zhurnal [Jerusalem Journal]. — 2011. — № 39. — P. 12-19. [in Russian]
7. Tynyanov Yu.N. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works] / Yu.N. Tynyanov. — M, 1956. — 808 p. [in Russian]
8. Tamarchenko N.D. Teoriya literatury. Istoricheskaya poetika [Literary Theory. Historical Poetics] / N.D. Tamarchenko. — M.: Academia, 2004. — 369 p. [in Russian]
9. Tarabukina N. Na vas menya posmotryat skvoz' (predislovie k podborke stihov) [You will be looked at through me (preface to a selection of poems)] / N. Tarabukina // Ural'skij sledopyt [Ural Investigator]. — 2005. — № 10. — P. 8-9. [in Russian]
10. Tomashevskij B.V. Teoriya literatury. Poetika [Literary Theory. Poetics] / B.V. Tomashevskij. — M.: Kniga, 1999. — 672 p. [in Russian]